

Идея «глобального управления» миром после Второй мировой войны

Н. А. Нарочницкая*

Международные организации, причем даже региональные — НАТО, сегодня претендуют на принятие решений в отношении суверенных государств, что побуждает задуматься о самом их замысле даже тех, кто приветствовал создание универсальных политических институтов, призванных якобы привести человечество к миру и разрешению конфликтов ради всеобщего блага. В свете религиозно-философских основ истории создание всемирных органов с «указующей ролью» выглядит отнюдь не так ясно, и во все не безобидно, как представлялось и пропагандировалось.

Упования на «вечный мир» всегда возникали после кровопролитных войн. Однако можно выделить два основных устремления за призывами навечно покончить с войнами и обвинениями в якобы противоречии между «миролюбием» христианства и в освящении войн Церковью, которые часто подкреплялись произвольным и избирательным толкованием библейских заповедей и евангельских канонов.

Это идея навязывания единых мировоззренческих основ, которые должны породить единые критерии добра и зла, единые толкования человека и человечества, смысла его личной, национальной и государственной жизни, оценки сущности и смысла мировой истории, единого толкования природы власти и государственности, единую философию и корпус права, единое определение прав и обязанностей. Очевидно, что это единство зиждилось бы отнюдь не на христианских критериях, а на безрелигиозной и рационалистической, поддающейся формализации основе. С философской точки зрения — это отражает движение к полному всесмещению рас, наций, культур и государств, из хаоса которого по Откровению и рождается князь тьмы. С политической точки зрения — это движение к «глобальному управлению», для которого международная всемирная организа-

ция может быть как препятствием, так и, наоборот, инструментом.

Борьба по проектам устава будущей ООН прежде всего отразила столкновение именно этих противоположных целей.

Религиозно-философские основы мондиализма и пацифизма

В позитивистских критериях строительства гипотетического мирового общества нация как единый преемственно живущий организм со своими ценностями исчезает, национальное государство становится нецелесообразной помехой, а индивид живет по принципу «где хорошо, там и отечество». Такому «гражданину мира» удобнее и выгоднее мировое правительство, нежели национальное, а понятие суверенитета государства-нации, трактуемое в современных критериях с Вестфальского мира 1648 года, становится главным препятствием.

Примечательной особенностью происхождения идей навязывания единых мировоззренческих основ во втором тысячелетии является тот факт, что они предлагались в христианском мире либо тайными или явными врагами христианской Церкви, далее исключительно неапостольскими христианами — протестантами или их предшественниками, во всяком случае, нетрадиционными «диссидентскими» кругами в католических странах, после Возрождения и Просвещения — представителями нарождающегося либерализма, многие из которых уже тогда были атеистами. Пацифизм как система взглядов также явился частью мировоззрения, которое было плодом либерализма в основном в протестантских странах, будучи порождением христианской культуры периода апостасии.

Пацифизм обращал свой пафос к миру, воспитанному в ожидании, что «волк будет жить вместе с ягнчком, и барс будет лежать вместе с козленком...

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

и лев, как вол будет есть солому, И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исаия. 11. 6–8). Хилястическое ожидание побуждает буквально материалистически прочитывать эти строки, не замечая указание на мир совершенно иной, ибо лишь в нем «земля будет наполнена ведением Господа». Почти всегда пацифизм так или иначе апеллирует к элементам христианского учения, оперирует его категориями и постулатами, однако вырывая их из контекста, из традиции и истории. Как организованное движение пацифизм является продуктом сугубо современной секулярной цивилизации, основанной среди прочего на ереси хилязма.

Пацифизм не имеет позитивного определения мира, который трактуется от противного — как состояние без войны, что в философском смысле вообще не является определением. Война же имеет ясное определение, не нуждающееся в понятии мира. Философ Драгош Калаич справедливо отметил, что пацифизм никогда не был автономным явлением, но составной частью мировоззренческих систем левого толка, основанных на превознесении системы материалистического демонизма, идолов истории и «исторического прогресса»¹, добавим, и тезиса о земной жизни как главной ценности. В этом смысле он предстает антитезой библейской роли войн, которые были одной из движущих сил истории, поскольку отражали земное воплощение борьбы сил Бога и сил зла.

Вне зависимости от самых благородных побуждений его адвокатов пацифизм как основа мондиализма становится формой антиисторических устремлений, ориентированных на «конец истории», в чем нетрудно распознать секуляристски извращенное отражение христианской эсхатологии, которое поддерживают буддисты, для которых «жизнь — божественное ничто», а «добро и зло, истина и ложь относительноны и лишь стороны иллюзии», за которые не стоит умирать.

Ложность апелляции к христианскому миролюбию была бы очевидна, если бы секулярное образование не привело к примитивизации и приземленности понимания христианства как «религии мира», которой якобы противоречит готовность противостоять силой злу и моральному и физическому давлению. Однако мир, который провозглашает и дарует своим Пришествием Христос — «не от мира сего», это отнюдь не мир между людьми или народами, но вертикальный мир между человеком и Богом: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает» (Иоан. 14, 27). Тем же, кто ожидает от Сына Божия безоблачного счастья и дара мира горизонтального, невозможного в силу греховной природы человека и его гордыни, Христос недвусмысленно поясняет: «не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34).

«Меч» принесен не для обретения мира от мира сего, но ради обретения метафизического мира, для

достижения которого человек, идя правым путем — с помощью Господа, не должен уклоняться от борьбы против зла, неправды и несвободы в себе и вокруг себя. Поэтому «миротворцы» из Нагорной проповеди — это не пацифисты, а приводящие мир в соответствие с божественной истиной. В противном случае, если бы мир означал горизонтальное измерение, оно обязывало бы христиан полностью капитулировать перед всяким натиском зла, лишь бы обрести земной материальный мир и комфорт.

Святой Амвросий подметил, что существуют две основные формы несправедливости: чинить неправду самому и допускать, чтобы ее чинили другие, не принимая под защиту тех, кому она угрожает. Есть войны, не вести которые есть грех и долг Церкви как хранителя справедливости — определять, какая война является праведной и какая неправедной, что также есть указание на вопрос об отношении Церкви к политике, к общественным явлениям и проблемам — война является лишь крайней формой политических столкновений. Карл Шмитт, исследуя суть политики, в этой связи отметил, что ни одному христианину в ходе тысячелетнего наступления мусульман на Европу не взбрело в голову ради любви к ближнему отдать ее туркам без боя или перестать оборонять и защищать свои церкви от поругания².

Пацифистское и мондиалистское извращение почти всех евангельских заповедей имеет успех в силу падения образования и обеднения языков, которые сегодня одним словом обозначают и личного врага, и врага общественного, врага истины, добра, чести. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5, 44 и Лк. 6, 27) вовсе не означает буквальный призыв возлюбить любых врагов, в число которых входит и сам сатана.

В древнегреческой и латинской версии этот призыв означал «возлюбить» личных — *inimicos*, но не общественных или военных врагов — *hostes*. Римские христиане не трактовали призыв «*diligite inimicos vestros*» как возлюбите вообще врага, как «*diligite hostes vestros*», однако понимали, что враг в политическом, духовном смысле не предполагает личную ненависть и солдат не имеет морального права использовать оружие для мщения за личные обиды, отсюда вытекает и осуждение неоправданной жестокости в войнах, ненужной для военной победы, и негуманности к пленным и некомбатантам — гражданскому населению, аморальности личной жестокости стражника над узником.

Еще блаженный Августин весьма убедительно разъяснил другую «пацифистскую» заповедь — подставлять противнику левую щеку после того, как он ударил тебя по правой (Мф. 5, 39). Это относится к душе, но не к телу, и речь идет о моральной дисциплине и удержании от греха гнева, когда на вызовы ненависти должно отвечать не ненавистью, но возвышением суверенного и непоколебимого духа³.

Искушения дословного толкования и интерпретации евангельских начал ради отказа от воинской службы и от участия в боевых действиях одолевали Христианскую Церковь главным образом до принятия императором Константином знаменитого эдикта о веротерпимости. До этого история действительно свидетельствует о нередких отказах христиан даже ценой мученичества от воинской обязанности. Но показательно, что это было в основном связано с отвращением не к оружию, но к обязанности участвовать в языческих обрядах, бывших неотъемлемой частью службы, охране храмов и культе императора, который был и Augustus, и Imperator, и Pontifex maximus — «кумир», лояльность и присяга которому фактически означала грех идолопоклонничества.

Острую дискуссию по этому вопросу внутри Церкви отражают пламенные отрицания службы Тертуллианом, ненавидевшим Римскую империю⁴ и сменившим вначале умеренное отношение к воинской службе на бескомпромиссно отрицательное. Ориген признавал гражданский долг перед государством, но предлагал язычникам служить в армии, а христианам — альтернативную службу без оружия. Все это кончилось после Константинова эдикта, ставшего, кстати, плодом его одной ратной победы, когда во сне ему явился крест как символ военного триумфа. Уже в 314 году церковный собор в Арле, кроме осуждения донатистской ереси, канонизировал отлучение всех верующих, которые отвергали воинскую повинность или дезертировали. Третий канон церковного собора в Арле зафиксировал отношение Церкви к войне, которое отныне стало определяться квалифицированными оценками ее праведности или неправедности.

Было бы ошибочным обвинять христианство, которое не отрицает насилие, но, безусловно, не предписывает его (в отличие от Ветхого Завета или Корана), в том, что оно не сумело преодолеть войны, которые могут исчезнуть лишь в эсхатологической перспективе, равно как и в том, что Церковь не осуждает, но освящает национальные чувства и любовь к Отечеству, что противоположно либеральному и мондиалистскому тезису «ubi bene ibi patria» — «где хорошо, там и отечество». Здесь мондиализм извращает еще один евангельский канон — «не будет ни эллина, ни иудея, ни обрезанного, ни необрезанного, ни мужчины, ни женщины», поскольку отсекает эти слова от следующих: «везде и во всем один Христос», что означает мир иной, в котором после принятия Христовой истины для Бога все равны, и нет разницы между христианами разного происхождения и пола. Однако в мире земном далеко не везде и не во всем один Христос, и весьма велика разница между теми, кто Его признает и не признает.

Заметим, что именно православная церковь внесла, тем не менее, наибольший вклад в обуздание военных страстей и выработку гуманного отношения к противнику. В сравнении трех христианских

конфессий — православной, католической и протестантской, именно православное учение достигло больших высот в проповеди самообуздания и универсализма, что проявилось в очевидно отличном отношении к завоеванным народам. Католическая церковь всерьез вела дискуссии о том, являются ли южноамериканские туземцы людьми, к которым применимы христианские заповеди и проповедь, а конкистадоры, жестоко завоевавшие цивилизации Центральной и Южной Америки, стали символом бесчеловечности и алчности завоевателя.

Однако именно армии протестантских стран в новое и новейшее время отличаются наибольшей жесткостью и освобожденностью от всяких моральных ограничений по отношению к неприятелю, особенно к туземцам или представителям «второсортных неисторичных» народов. Английские колониальные повадки в Ост-Индии, равно как и кальвинистская мораль пуритан в Вест-Индии, отнявших все у индейцев и посадивших их в резервации, де-факто следовали отнюдь не евангельским заповедям миролюбия, а примитивно трактуемым ветхозаветным образцам в отношении тех, кто не предназначен ко Спасению.

Кальвинизму вообще и англосаксонскому пуританизму как его яркому историческому воплощению в государствовоительстве свойственно наиболее самонадеянное отношение к собственной непогрешимости и чувство снисходительного сожаления к другим, что отнюдь не случайно и не проявление свойств личного характера, но вытекает из протестантского учения о спасении. У пуритан, удалившихся за океан для построения государства на чистой доске, отходит на второй план преодоление собственных грехов, по сравнению с фиксированностью на подсчете добрых поступков (вспомним «реестр добродетелей» Б. Франклина и сравним это с притчей о мытаре и фарисее), и провозглашено достижение спасения уже по принятию протестантского учения, а не как возможность заслужить его выполнением заповедей блаженств — Нагорной проповеди («Блаженны нищие духом...»), всесторонней аскезой и покаянием.

Духовно-психологический строй протестантизма — приподнято удовлетворенный, исполненный не только уверенности в том, что им гарантировано спасение, но и ожидания, что уже в земной жизни Бог им воздаст за правильную веру. Деловой успех и богатство не вызывают смущения и, в частности, у кальвинистов-пуритан прямо расценивается как показатель их богоизбранности. Подобные элементы избирательно выхвачены из разных мест Ветхого Завета, но если апостольские христиане интерпретируют Ветхий Завет Евангелием, то протестантизм, особенно англосаксонский пуританизм — это максимальный отход от Нового Завета к Ветхому.

Уверенность в своей непогрешимости и превосходстве во многом является религиозно-

философской основой мессианства собственной роли и своих идей мироустройства, в которых с незапамятных времен была идея учреждения всемирной организации, навязывающей не только духовно, но и в практической жизни единые и вечные стандарты, которые должны обеспечить мир. Однако в известных трактатах «О вечном мире» далеко не все авторы осмеливались предлагать вводить эти стандарты силой. Так И. Кант, полагавший, что «гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским», одновременно считал, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопрос правления и государственного устройства других государств».

Еще более актуальным сегодня на фоне «гуманитарной интервенции» в Югославию является другое положение И. Канта. Рассуждая о взаимоотношениях между государствами, он однозначно утверждает, что «карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немислима, поскольку между ними нет отношения высшего к подчиненному», равно как «ни одна сторона не может быть объявлена неправой, так как это предполагает уже судебное решение»⁵. Видно, как в современной доктрине и идеологии глобализации либерализм уже отрекается от своего основополагающего принципа эгалитарности и прокламирует именно отношения между разными нациями как «отношения высшего к подчиненному».

Именно англосаксонские религиозные и общественные организации, а также политические круги в XX веке стали лидером в разработке и агрессивном и настойчивом продвижении «мира как концепции международных отношений» и идеи глобальных институтов, которые бы осуществляли бы контроль и обеспечение установленных ими правил, даже применяя насилие. Нетрудно распознать в этом механизм для осуществления древней идеи мирового господства, соблазн которой проявлял себя в различных религиях и сектах, открытых мировоззренческих и политических доктринах и в тайных обществах на протяжении веков и возродился с невиданной силой на пороге III тысячелетия.

Даже в либеральной парадигме любой мировой орган, прямо посягающий на суверенность государства-нации, на ее право иметь внутреннюю национально-религиозную жизнь со своими понятиями и защищать ее — прямо противоречит основополагающим постулатам «демократического правового государства». Тот, кто дирижирует мировым правительством, будет сам вырабатывать и назначать критерии, сам судить об их исполнении и сам карать нарушения. Это антипод пресловутому разделению властей, которое служит системой сдержек и противовесов в обществе, где верховная власть интерпретируется как власть от народа, а государство как общественный договор. Но в христианских критериях это полная апостасия.

Борьба по проектам устава будущей ООН

Сейчас стали доступны рабочие документы, проекты, переписка, обмен меморандумами по созданию всемирной организации безопасности, которые весьма ясно демонстрируют отличие мондиалистской англосаксонской концепции мироустройства и основанной на классическом международном праве и его центральном понятии суверенности государства-нации концепции СССР. Очевидно и полное отсутствие всякой эйфории в отношении будущей роли ООН у внешнеполитического ведомства СССР.

В целом советские крупные дипломаты нового призыва, вряд ли задумывались о глубинном смысле и происхождении замыслов Ф. Рузвельта — убежденного и последовательного продолжателя вильсонианского направления. Материалы архивов, скорее, говорят об отсутствии у советской дипломатии осознания универсалистского философского смысла и, главное, нацеленного в далекое будущее, рузвельтовского плана переустройства послевоенного мира глобализации.

Американист А. Ю. Борисов подмечает, что такому недопониманию весьма способствовала «ограниченность марксистско-ленинского анализа, а в ряде случаев и просто бросающаяся в глаза вульгаризация политического процесса в духе институтов «красной профессуры»⁶. Борисов в целом точно определил в качестве наиболее уязвимого места советского подхода к послевоенному урегулированию недостаточно адекватное прочтение американских намерений за пределами политических банальностей о сотрудничестве, взаимодействии и кооперации, навязанных «товариществом по оружию» в период войны, хотя за рузвельтовским «Grand Design» стоял извечный англосаксонский геополитический план раздела мира и Евразии на сферы влияния и ведущей роли США, прикрытый лишь вильсонианской фразеологией.

Добавим, что вильсонианскую идеологию расшифровать с помощью марксистских классовых схем еще труднее, чем геополитику. В историческом материализме глобализация, эрозия суверенитета и рационализированное мировое правление — такой же конечный идеал и естественное развитие коммунистического универсалистского проекта, что замыкает критику в обвинениях всемирного монополистического капитала и его ставленников.

Так, по косвенным признакам М. Литвинов, судя по тону и ссылкам в его записках (именно его комиссия занималась вопросом будущей «организации безопасности»), понимал суть замысла и его глубинные исторические истоки, и мондиалистская философия и видение мира ему явно импонировали. Он весьма аккуратно подмечал лишь чисто правовые и геополитические импликации, хотя мог бы более глубоко вскрыть связь либеральной программы Вильсона, Версальской системы, американского замысла Лиги

Наций, будущей ООН и угрозы суверенитету как основе международных отношений.

В НКИД действительно куда более системно на основе классического подхода разбирались геополитические конфигурации, возможности благоприятного для СССР изменения одних границ и международного признания других, репарации с Германией и возможности американского займа для нужд восстановления СССР. В то же время Ф. Рузвельт, будучи меньшим идеалистом, чем его кумир Вильсон, как пишет Борисов, ссылаясь на воспоминания Эйзенхауэра о его беседах с президентом, «хотя и признавал серьезность военных побед, стоящих перед союзниками», большинство замечаний делал «относительно отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий».

Однако не стоит слишком категорично судить о недопонимании рузвельтовского замысла глобализации с помощью универсальной организации. Если идейная суть вильсонизма ускользала от внимания лиц, принимающих решения, то практические международно-правовые следствия американского плана в СССР поняли прекрасно. С самого начала шла острейшая борьба двух проектов устава по разным разделам и пунктам, которая фактически отражала совершенно разные концепции будущей организации. СССР вообще с большой осторожностью, если не сказать с недоверием, рассматривал эту инициативу, однако в конечном итоге был готов пойти на создание организации с элементами многостороннего договора, которая не посягала бы на суверенность государства и решения которой имели бы скорее морально-политическое значение, и реализовались классическими методами дипломатии, и должны были приниматься заинтересованными странами абсолютно добровольно, и не могли бы быть навязаны военной силой.

В самом первом аналитическом обзоре политического и юридического опыта Лиги Наций (причем как «законотворческого», так и правоприменительного), датированном 16 декабря 1943 года, его автор небезызвестный Б. Е. Штейн — безусловный знаток Версальской системы, Лиги Наций и всех международно-правовых аспектов этой проблематики выражал скепсис: «История Лиги Наций показала, что ее активность... извращала действительную картину общей деятельности... в области основных коллективных вопросов. Огромное количество конференций, комитетов, совещаний и т. д., создававшихся Лигой Наций по вопросам, не имевшим отношения к созданию условий коллективной безопасности, придавали Лиге Наций характер постоянно действующей организации и порождали ложное представление о ее роли».

С самого начала советская сторона, конечно, в той или иной мере ощущала, что Атлантическая хартия и все идеи проекта послевоенного мира пред-

полагали косвенное замаскированное вмешательство во внутренние взаимоотношения в государствах, особенно многонациональных. Во всех внутренних разработках и проектах, представляемых на рассмотрение союзников, делался акцент на суверенности государства-нации. «Международная организация будет тщательно воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела отдельных государств и, в частности, во взаимоотношения между тем или иным национальным меньшинством и государством, в котором это меньшинство проживает».

В обзоре НКИД указывалось, что «опыт Лиги Наций показал, что конфликты в этой области обычно искусственно раздуваются государствами, которым выгодно было покровительствовать национальным меньшинствам в других государствах и этим ослаблять их... За время своего существования Лига Наций не разрешила ни одного спора между национальным меньшинством и государством его проживания... Поэтому международная организация объявит, что взаимоотношения внутри государства между его различными национальными группами являются внутренним делом каждого государства и не подлежат ее компетенции», а «конфликтом, подлежащим обсуждению международной организацией, является такой спор между государствами, продолжение которого представляет собой угрозу для всех»⁷.

В аналитических выводах Комиссии М. Литвинова предлагалось: «признать, что взаимоотношения внутри государства между его различными группами не могут быть предметом заботы другого государства». Осознанная установка на незыблемость классического толкования суверенитета побуждала советское внешнеполитическое ведомство вообще стремиться к максимальной осторожности при согласовании принципов будущего устава.

Поскольку было «совершенно очевидно, что исключить из функций международной организации улаживание международных конфликтов не представляется возможным», «необходимо будет, однако, детально разработать наиболее удовлетворительные для нас процедуры, например, уточнить категории вопросов, подлежащих такого рода разбирательству, предусмотреть максимально высокое квалифицированное большинство для вынесения решений и всячески ослаблять обязательность этих решений»⁸.

С другой стороны, США и Великобритания исходили совсем из другой концепции, пытались создать наднациональную универсальную организацию, которая бы не просто сдерживала бы своим авторитетом и моральными санкциями грубых нарушителей права, но управляла бы политикой суверенных государств, причем не только внешней, но и внутренней, самостоятельно определяя, какие события во внутренней жизни того или иного государства представляют «угрозу международному миру». Примечательно, что предлагаемые англосаксонские проекты полномочий главного органа — в первых

редакциях «Исполнительного Совета», затем — Совета Безопасности свидетельствовали о совершенно определенной интерпретации понятия универсальности будущего органа.

В момент, когда еще совершенно неясно было, сколько стран войдут в эту организацию, «универсальность» ангlosаксами понималась как обязательность ее решений для всех и вся, даже для тех, кто не пожелал бы войти в организацию.

Ангlosаксонские официальные проекты разрабатывались в обстановке вакханалии мондиалистских настроений среди многочисленных общественных и прежде всего протестантско-религиозных организаций и «филантропических» обществ в Англии и США, но также и континентальной Европе. Они буквально обрушили на союзников, включая и советское внешнеполитическое ведомство, многочисленные и, зачастую, бредовые проекты мироустройства, зерном которых было «утверждение», гарантированное угрозой применения коллективной силы, единых стандартов жизни, которые якобы обеспечили бы вечный мир. Многие из них были тщательно подшиты в папки Комиссии Литвинова и представляют собой интересный документ эпохи, тем более важный, что именно эта по сути тоталитарная по отношению к суверенным государствам в масштабах всего мира идеология, отвергнутая благодаря упорству и бдительности СССР при создании ООН, была полностью использована при создании Совета Европы, который сейчас выходит на передний план.

Проекты «Города мира» от имени Международной дипломатической академии в Париже, «реферат „О вечном мире“» некоего профессора А. Пиленко, по-видимому, экзальтированного русского эмигранта, вообще предлагали построить мир по рецептам коммунистов-утопистов с регламентацией жизни народов по единым чисто рационалистическим критериям, и страны с большим доходом с большим успехом в области экономического развития имели бы больше прав, чем страны неуспешные. В этом проекте даже предполагалась процедура для периодического пересмотра границ и территорий государств в зависимости от изменения численности населения, которая определяла бы и количество голосов в предлагаемой организации. На фоне сегодняшних претензий США и их готовности применять силу в регионах поставок сырья такие идеи представляются уже не столь утопичными.

Проекты британских общественных организаций были менее курьезными и экзотическими и совсем не столь наивными, поэтому еще более опасными, поскольку содержали соблазнительную системную мондиалистскую философию «нового общества» (проект пакта, предложенного президентом «League of Nations Union» лордом Сесилем).

В достаточно детально разработанном проекте «Условия конструктивного мира», представленном

от имени более чем сорока британских национальных организаций вице-президентом «Национального Совета мира» («National Peace Council») неким Сириллом Бэйли, целью всемирной организации был определен «не отпор агрессии, а создание человеческого общества, в котором факторы, порождающие агрессию будут устранены путем удовлетворения народов». Разумеется, для успеха предлагаемого нового типа отношений «все должны отказаться от права действовать изолированно или исключительно в собственных интересах в вопросах, которые затрагивают благополучие человечества в целом». При этом «необходимо будет обеспечить служение политической машины личности, чтобы предотвратить сознание, которое угрожает духу и основам демократии».

«Национальный Совет мира» считал необходимым «подчинение общественной жизни и национальной международной управлению и принципам вечных стандартов». Страны должны были бы безоговорочно признать авторитет всемирной организации и передавать на ее рассмотрение все споры, речь также шла о «Unified Europe» (в тексте перевода НКИД — «унифицированной Европе») и о «воспитании мирового гражданства» и практического интернационализма⁹. Параллелизм мировоззрения крайне либеральных концепций с коммунистическими весьма нагляден, как и схожесть самого держания — принудительно «творить» нового человека и навязывать новое человеческое общество под единым управлением.

В аналитической записке М. Литвинова как главы комиссия по созданию международной организации неизвестно для чего приведены малоизвестные и, по-видимому, специально затребованные у историков данные о самых древних проектах идеи и перечислены не без симпатии имена первых пропагандистов. Вообще тексты за подписью Литвинова, хотя и фиксируют столкновение с интересами СССР, свидетельствуют о некоем идеологическом родстве и симпатии к самой философии универсализма, ее корням и столпам в истории.

Сейчас уже, наверное, не узнать, какая религиозно-философская парадигма исторического мышления побудила в записке Литвинова упомянуть следующий список родоначальников универсалистской идеи и организации. Первая ссылка на Пьера Дюбуа — деятеля при дворе короля Филиппа Красивого, который вступил в открытое столкновение с Орденом тамплиеров и в 1310 г. казнил затем его Великого магистра — Якова де Моле. Вполне возможно, что Дюбуа был сам тамплиером — шпионом при дворе, ибо Л. А. Тихомиров в своем панорамном труде о религиозно-философских основах истории в разделе о тайных обществах, на основе глубокого изучения имеющихся источников и литературы, утверждает, что идеей тамплиеров было нечто вроде «соединенных штатов Европы» под их финансовым и иным контролем.

Следующее имя не менее характерно — Генрих Наваррский — гугенот, то есть кальвинист, полагавший целесообразным создание «совета государств», который занимался бы «не только урегулированием споров, но и проводил бы в жизнь свои решения при помощи международных сил». Далее следуют более известные авторы «трактатов о вечном мире» — квакер В. Пенн (1693), француз-просветитель и бывший аббат де Сен-Пьер — церковный диссидент, труд которого дошел до нас в изложении Монтескье, автор «*contrat social*» — Ж.-Ж. Руссо (1761), И. Бентам (1786). И. Кант (1795). Среди них нет ни одного католика, за исключением бывшего аббата.

В XX веке рупором этой идеи становятся в основном ангlosаксы, если не считать из серьезных фигур австрийского аристократа и члена всевозможных загадочных обществ Куденхова-Каллерги, пытавшегося активно создать «Пан-Европу». После Первой мировой войны — В. Вильсон с его Лигой Наций, затем Ф. Рузвельт, У. Черчилль, А. Иден, С. Уэллес, Берли.

Немалую роль в продвижении этой идеи играл американский Совет по внешним сношениям, сдавшим вывод о необходимости замены дискредитировавшей себя по названию и политике Лиги Наций. В приводимых высказываниях ангlosаксонских политиков и влиятельных общественных фигур как с критикой Лиги Наций, так и о будущей организации, очевидна концепция — управлять мировыми отношениями. По суждению Самнера Уоллеса, «Лига Наций лишь была средством для поддержания статус-кво, ей никогда не дано было действовать в качестве эластичного и беспристрастного орудия». Лорд Дэвис в книге «Федерированная Европа» сожалел о равенстве голосов, когда голос Гаити равен голосу Великобритании...», американец Спайкман называет «единогласие — абсурдным выражением суверенитета, которое парализует», против чего выступает и будущий протагонист интеграции и Пан-Европы бельгиец — П.-А. Спаак.

В разработках комиссии М. Литвинова, свободных от пропагандистской и идеологической шелухи, в ответ на приведенные в обзоре мнения и суждения, просто указано: «утопично думать, что представители отдельных суверенных стран могут в Международной Организации забыть свои национальные интересы, совершенно отказаться от национального эгоизма и действовать исключительно в духе интересов человечества...»¹⁰.

США пытались также заложить механизм принудительного ограничения национальных вооружений стран под контролем будущей организации. В меморандуме Государственного департамента от 21 мая 1944 г. содержался тезис о том, что «международное сотрудничество должно включать эвентуальное урегулирование вопроса о национальных вооружениях таким путем, чтобы не было возможности с успехом бросать вызов закону и чтобы в то же время бремя вооружений было сокращено до минимума». Это

вызвало категорическое неприятие СССР. В анализе НКВД выражалась крайняя осторожность в отношении как вопроса о вооружениях, так и предполагаемого Международного суда, который не должен был стать вершителем судеб суверенных государств.

В ссылке на опыт Лиги Наций говорилось, что «обязательная юрисдикция Палаты международного суда ЛН существовала исключительно по отношению к государствам, которые приняли так называемую факультативную клаузулу», представленную в ст. 36, то есть добровольно отдали себя на суд. Вывод самого начального обзора идеи МО, отношения к ней общественного мнения на Западе и первых американских предложений таков: желательно ликвидировать Лигу Наций и создать международную организацию с задачами поддержания всеобщего мира и безопасности и принятия с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и отпора осуществлению агрессии.

В связи с «опасностью решений по мирному разрешению споров и учитывая враждебность к СССР», записка предлагала вопросы юридического характера вывести из системы будущей организации, как и отвергнуть предложение о вооруженных силах, настаивать на исключении из функций МО экономических и социальных проблем, явно не желая соучаствовать в продвижении американского капитала по всему миру. Главный акцент был сделан на принципе единогласия в Совете и квалифицированном большинстве в $\frac{2}{3}$ голосов в Собрании (будущей Генеральной Ассамблее)¹¹.

Когда 18 июня 1944 года были получены американские предварительные предложения, представленные на имя Молотова, то концептуальное различие проектов уже было более чем очевидным. В разделе, где советская сторона говорила «о мерах против агрессии», то есть исходила из того, что организация будет реагировать на уже случившиеся нарушения мира, США предлагали наделить будущий орган правом самолично «определять наличие угрозы миру или нарушений мира... разрешать споры, переданные ей сторонами, или же *таковые, которые она по своей инициативе считает подлежащими ее юрисдикции*».

Государства же в американском проекте лишались даже средств сопротивления непрошеному участию нового органа: «Организация должна быть уполномочена осуществлять принципы, согласно которому ни одной нации не будет разрешено содержать или применять вооруженную силу... каким-то образом, несовместимым с целями, предусмотренными в основном документе международной организации, или оказывать помощь какому-либо государству вопреки превентивной или принудительной акции, предпринятой международной организацией». (США сегодня именно в этом ключе считают себя вправе позволять или не позволять, скажем, Ираку, иметь ядерное оружие.)

В американском проекте также предполагалась максимальная универсализация деятельности МО, охват ею всех сторон жизни государств, создание разветвленной сети региональных учреждений, структур, занимающихся экономическими проблемами. Региональные органы должны «поощрять передачу вопросов юридического характера Международному Суду, статут которого должен стать частью основного документа МО — положение, против которого изначально выступали советские эксперты. Что касается прав Исполнительного Совета — будущего Совета Безопасности, то он в концепции США обретал черты наднационального правительства, ибо наделялся правом «принятия на себя по собственной инициативе или в случае передачи ему юрисдикции над спором». Организация обрела право устанавливать правила международного и внутреннего поведения для всего мира, включая и государств-нечленов.

В отношении суверенных государств выдвигалось уставное требование: «все государства, *независимо от того, являются они членом международной организации или нет* (выделено Н. Н.), должны а) улаживать споры только лишь мирными способами и б) воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или от применения силы каким-либо образом, несовместимым с целями...» Перечислив всеер позволенных государствам таких возможностей урегулирования споров как арбитраж, посредничество, переговоры, передача спора на рассмотрение международного суда «по своему выбору», американский проект постулирует, что в случае неудачи, стороны **«обязаны»** передать этот спор на рассмотрение исполнительного Совета.

Однако полномочия Совета простирались еще дальше: «Когда Исполнительный Совет по своей собственной инициативе определит, что между государствами-членами существует спор, который создает угрозу безопасности и миру, который не находится в стадии соответствующего разрешения, он должен быть облечен правом юрисдикции для осуществления урегулирования спора». Венцом этой концепции универсального мирового порядка и господства над миром является серия положений о распространении юрисдикции МО над государствами-нечленами: «В случае спора государства-члена и государства-нечлена, **или государств-нечленов** Совет должен быть уполномочен взять на себя юрисдикцию либо по своей собственной инициативе, либо по просьбе какой-либо стороны».

В разделе А предлагаемого проекта устава США наделяют «исполнительный совет» правом «устанавливать существование любой угрозы миру или любое нарушение мира и решать», что может быть поводом для его вмешательства. Таковыми поводами признавались: «применение военных сил одним государством в пределах юрисдикции другого государства, не разрешенное международной организацией» (стало

быть, именно МО может разрешать или не разрешать такое применение военной силы, то есть агрессию); «невыполнение предложения И. С. принять процедуру мирного разрешения какого-либо спора;... «непринятие условий разрешения спора, установленных МО или по ее уполномочию»;... невыполнение предложения ИС сохранить существующее положение».

Остальные государства вне зависимости от того, являются ли они членами МО или нет, должны воздерживаться от оказания помощи любому государству, если бы это нарушило предупредительные или принудительные действия». Но Совет при этом «уполномочен предложить государствам-членам предоставить право прохода войск и средств, включая базы, необходимые» для принудительных мер. Таким образом, суверенные государства даже лишены права на нейтралитет в конфликте¹².

Советские предложения принципиально и концептуально отличались и были далеки от идеи создания мирового правительства. В качестве целей МО, советский меморандум определил «поддержание всеобщего мира и безопасности и принятие с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и организации подавления осуществления агрессии... разрешение и устранение мирными способами международных конфликтов, могущих привести к нарушению мира».

Примечательно, что в советском проекте в разделе «меры против агрессора», именно очевидный агрессор является объектом всех мер. Что касается вооруженных сил, то перспектива их использования «по уполномочию» Совета в американском проекте, еще более охладила отношение к этой форме, и в советском проекте допускались лишь «вооруженные силы для поддержания безопасности и мира, используя для этого вооруженные силы, предоставляемые в его распоряжение государствами-членами Организации на основе особого соглашения».

Впечатляют итоговые весьма скептические выводы Комиссии НКВД о перспективах будущей организации и сопряжении ее деятельности с интересами СССР. Они дают совсем иное представление об истоках этой организации, чем то, что до сих пор тиражируется в современной либеральной прессе и официальной оценке роли ООН. «Если малые нации, как и после Первой мировой войны, могут видеть в создании организации гарантию своей безопасности», то правительства Англии и Америки, по суждению НКВД, идут на это «по необходимости, главным образом по соображениям внутренней политики для удовлетворения своего общественного мнения, которое готово приписывать организации значение чуть ли не панацеи от войн...» Примечательно, что М. Литвинов уходит от оценки самой концептуальной сути американского проекта.

Особенно впечатляет главный вывод о будущих отношениях с другими великими державами через призму создаваемой организации, сделанный

в «Проекте директив по переговорам о создании международной организации безопасности»: «Можно представить мало случаев и положений, когда организация могла бы быть использована нами в наших интересах, между тем как у Америки, а еще больше у Англии имеется много шансов поставить организацию в определенных случаях на службу своим интересам. Следовательно, в создании Организации безопасности мы в значительной меньшей степени заинтересованы, чем США, Англия и другие государства. Нам необходимо, во всяком случае, заботиться о том, чтобы организация не могла быть использована против наших интересов, и это соображение является мерой наших уступок при предстоящих переговорах».

В проекте директив подчеркивалось, что нашим преимуществом перед партнерами было то, что «возможный срыв переговоров был бы более неприятен для них по своим последствиям», однако широкая популярность лозунга о Организации в странах антигитлеровской коалиции, надежды и упования заставляют СССР избегать впечатления, будто он выдвигает помехи. Для этого были перечислены вопросы принципиального характера, по которым следовало стоять непоколебимо — это единогласие великих держав в вопросах компетенции Совета — то есть в вопросах безопасности и формулирование ситуаций и форм для вмешательства организации в споры и конфликты. По другим же вопросам допускались уступки, в том числе и по процедуре голосования в других органах.

«Мы придаем значение деятельности будущей организации в области непосредственного предупреждения и подавления агрессии», но «наши партнеры ... в первую очередь вопросам так называемого мирного разрешения международных конфликтов и предлагают довольно обстоятельную процедуру... **Необходимо при этом учитывать, что нам приходится ожидать мало пользы для себя от разрешения организацией или созданными ею органами споров, затрагивающих наши интересы, и, что, наоборот, могут быть создаваемы для нас весьма неудобные положения**». Поэтому, рекомендовалось сделать «процедуру сложной», «усилить полномочия Совета» при единогласии постоянных членов, в противовес другим органам, где большинство будет идти в фарватере США.

Главная задача делегации была определена: «не допустить такого положения, при котором организация или отдельные ее органы могли бы принимать обязательные для нас решения без нашего согласия». Мы должны добиться того, что «никакие решения Организации не получали обязательной силы без одобрения или утверждения их руководящим органом, в котором вопросы решаются единогласием». В проекте также рекомендовалось отклонить попытку «преждевременного поднятия вопросов о регулировании вооружений»¹³.

Главная битва развернулась на конференции в Думбартон-Оксе, о которой в литературе фигурируют легенды, совершенно не соответствующие действительному положению в тот момент. Историография и сегодняшние ссылки официальных лиц как России, так и США в связи с периодическими юбилейными датами ООН характеризуют Думбартон-Окс как «триумф идей мира» и обоюдных надежд на послевоенное сотрудничество. На деле острота разногласий была так велика, столкновение мондиалистской и традиционалистской концепций мира столь принципиальным, что стороны едва находили в себе силы ради общественности выходить к прессе.

США настаивали на том, чтобы решения Совета по урегулированию конфликтов принимались без участия «виновных» — то есть заинтересованных стран. СССР полагал, что для этого случая следовало бы выработать особую процедуру, причем постоянные государства-члены должны сохранять право голоса в любых обстоятельствах. На это американский представитель Пазвольский заявил, что «принятие советского предложения равносильно решению, что Соединенные Штаты готовы вступить в войну со всем остальным миром». По мнению американской делегации, «невыгоды от неучастия великих держав в голосовании при решении вопросов, в которых они заинтересованы, перевешиваются выгодами, вытекающими из усиления международной организации». Стеттиниус и Представитель Британии лорд Кадоган даже заявили, что «если конференция не придет к этому соглашению, то сам план Международной Организации может оказаться в опасности»¹⁴. Тем не менее советская делегация выстояла, и мондиалистские доктрины мирового правительства Вильсона–Рузвельта были отложены до 1990-х годов, хотя в делегации США находилась и фигура, символизировавшая преемственность идеологии и политики — испытанный личный представитель В. Вильсона в Версале и член Совета по внешним сношениям Исайя Боуман.

Если бы твердость советской делегации была меньше, то гуманитарные интервенции вроде косовской были бы узаконены в самом Уставе ООН как «действия по сохранению мира», а соседние государства **обязаны** были бы предоставить свои территории для прохода вооруженных сил «мирового правительства». Однако американской делегации было не чуждо желание продолжить работу, для чего нужен был компромисс на фоне успехов Советской Армии. В архиве комиссии М. Литвинова особенно отмечена благотворная роль заместителя главы американской делегации — Дж. Пазвольски. Окончательно принципы Устава были уже согласованы в Ялте и Потсдаме.

Общественное мнение США по вопросу создания ООН

Что касается американского общественного мнения, «ради которого» создавалась ООН, то оно встретило с удовлетворением лишь те декларации

Конференции, которые соответствовали универсалистским концепциям утверждения единого мира.

Обзор дискуссии внутри влиятельных общественных и религиозных организаций США, сделанный для внутреннего использования в советском внешнеполитическом ведомстве, показывает весьма отчетливо совершенно мондиалистский менталитет самих этих организаций, а также еще один весьма интересный для понимания пружин политической жизни США факт: лидерами этих внешне далеких от политики форумов, «случайно» оказывались весьма искусные специалисты в мировых делах и юридических тонкостях в формулировках документов. Так «Совет по вопросам послевоенного мира» подверг итоги конференции критике за «диктат трех держав-победителей» — единогласие постоянных членов. Примечательно, что все американские упреки в адрес этого принципа сочетались с тревогой по поводу пунктов о вооруженном вмешательстве. Однако эта тревога относилась не к судьбе потенциального государства-объекта такого вмешательства, но исключительно к сохранению примата американской конституции и исключительного права конгресса США принимать решение об объявлении войны.

Крупные протестантские организации, весьма активные в общественной жизни США, оказались на удивление сведущими в концептуальных вопросах и международно-правовых нюансах. Они сразу чутко распознали суть итоговой концепции устава, согласованной в Думбартон-Оксе. Выражая в целом дипломатическое удовлетворение, Федеральный Совет Церквей Христа, основанный в 1908 году, выразил резкое недовольство принципом единогласия. Примечательно, что эта «неполитическая» организация, имеющая огромное количество отделений и членов, создала даже специальную «комиссию о справедливом и длительном мире». Кто же «оказался» во главе этой комиссии? — Не кто иной, как будущий Государственный Секретарь США пика «холодной войны» Джон Фостер Даллес, занимавший важные посты во внешнеполитических механизмах США! Дж. Ф. Даллес уже в 1907 году был секретарем американской делегации на 2-й Гаагской конференции мира, а также затем юридическим советником делегации США на Парижской мирной конференции, готовившей Версальский мир.

Этот факт демонстрирует тесное переплетение «кадров» «влиятельных» «неполитических» «внепартийных» организаций, якобы отражающих, на деле — формирующих «общественное мнение», и государственного аппарата в широком смысле. Общественное мнение США, «влияние которого», по оценке М. Литвинова, «трудно переоценить», оказывается управляемым и организуемым, как и в «тоталитарных» обществах.

Комментируя итоги Думбартон-Окса, Совет Церквей Христа указал «на большое сходство новой международной организации с военным союзом не-

скольких великих держав, которые при помощи силы разделили мир на региональные сферы влияния», а Дж. Ф. Даллес, выступая на конференции в ноябре 1944 года в Питтсбурге, заявил, что «эффективность международной организации безопасности подвергается серьезному риску... нежеланием признать огромной важности принятого бы всем миром определения прав и ошибочного руководства»¹⁵. Это именно то, что полностью противоречит понятию суверенитета государства-нации, ибо наделяет одни страны ролью самопровозглашенных арбитров, которые имеют право выносить суждение о внутренней жизни других стран. Это стала делать НАТО в отношении суверенных государств — Югославии, Ирака, Ирана и других именуемых странами-изгоями.

Другая крупнейшая организация — Конфедерация протестантских церквей в Кливленде 19 января 1945 года призвала включить ни много ни мало Атлантическую хартию в качестве предисловия к проекту Думбартон-Окса, чтобы «вновь подтвердить далеко идущие цели международной организации в области справедливости и благосостояния всего человечества», навсегда уничтожить политику силы и воли в ведении войны для Германии и Японии, и отказаться от односторонних действий в вопросах о границах. Объединенный Христианский Совет за демократию также немедленно отреагировал на принцип единогласия, заявив, что «принятие позиции Советского Союза будет означать, что великие державы поставили себя выше закона».

Однако были и другие голоса, высказывавшие одобрение именно традиционным принципам и суверенитету. Епископ Бромли Оксман, выступая на конференции епископов США, отметил, что многие неверно «критиковали думбартонские соглашения как возврат к политике силы», поскольку думбартонские соглашения ставят мощь великих держав под контроль международной организации». А конференция шести крупных религиозных организаций и организаций мира в Балтиморе в ноябре 1944 года прямо высказалась, что «сторонники «совершенной» международной организации, недовольные решениями думбартонской конференции, столь же опасны для международного сотрудничества, как и изоляционисты. «Предложения конференции в Думбартон-Окс не преследуют идею создания „мирового государства“ и подготовили условия, необходимые для создания прочного мира»¹⁶.

Если ООН и не показала себя как организация, способная эффективно предотвращать агрессии, по крайней мере, благодаря СССР, она не стала органом, санкционирующим агрессию и грубое вмешательство во внутренние дела под эгидой мировой организации и флером псевдогуманистических идеологов. Для того чтобы осуществлять бомбардировки суверенной Югославии, превратить неудобный Ирак в протекторат, Соединенным Штатам и Великобритании пришлось делать это в обход ООН.

- ¹ Драгош Калаич. «Пацифисты» против христианства, «Образ», 1995, № 174.
- ² Schmitt Carl. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963.
- ³ Цит по: Драгош Калаич. «Пацифисты» против христианства, «Образ», 1995, № 4.
- ⁴ Тертуллиан. Трактат «К мученикам». Избранные сочинения. М., 1994.
- ⁵ Трактаты о Вечном мире. Им. Кант. К вечному миру. 1795. М., 1972, стр. 157, 154, 155.
- ⁶ Борисов А. Ю. Посол Громыко и послевоенное урегулирование. А. А. Громыко. Дипломат, политик, ученый. М., 2000, стр. 171.
- ⁷ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 298, папка 31, листы 1, 10, 7.
- ⁸ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 299, папка 37, лист 25.
- ⁹ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 302, папка 31, листы 11–13, 59–60.
- ¹⁰ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 299, папка № 37, листы 1, 3–4, 6.
- ¹¹ Там же, листы 21–30.
- ¹² АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 301, папка № 31, листы 11–13, 16, 21, 23, 26–29.
- ¹³ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 299, папка № 37, листы 39–43.
- ¹⁴ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 304, папка № 31, листы 31–32.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 221, папка № 31, листы 23–24, 28.
- ¹⁶ Там же, листы 30, 49, 39, 50.